
18+
Валя Винтер
Кровь и пепел

Валя Винтер

Кровь и пепел

«Издательские решения»

Винтер В.

Кровь и пепел / В. Винтер — «Издательские решения»,

Она хоронит людей. Он — отправляет их на тот свет.Смерть — владелица ритуального агентства «Аид». У нее внутри всегда зима, и она давно перестала ждать оттепель. Серый — хозяин половины Смоленска в дорогом пальто и с улыбкой хищника.Ему свой человек в ритуальном бизнесе. Ей нужна защита. Оба думали, что это просто сделка, ведь в их мире законно все, за что платят. Но за некоторые вещи придется заплатить слишком дорого.Книга содержит нецензурную брань.

© Винтер В.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1. «Аид» встречает гостей 6
Глава 2. Первый пошел 12
Глава 3. Тени прошлого 18
Глава 4. Жан-Сак 25
Глава 5. Полюс притяжения 31
Конец ознакомительного фрагмента. 34

Кровь и пепел

Валя Винтер

© Валя Винтер, 2026

ISBN 978-5-0071-6845-8
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. «Аид» встречает гостей
Инга

Раннее утро. Смоленск еще спит, укрывшись серым одеялом тумана, а я уже стою на складе «Аида» и пересчитываю гробы. Двадцать три штуки — сосна, лакированные, с атласной обивкой. Два — дубовые, для тех, кто при жизни мог себе позволить умереть красиво. Я провожу ладонью по холодному дереву, ощущая легкую шероховатость лака под пальцами. Пахнет формалином, можжевельником и слегка — застоявшейся водой из ведра, которое Маша забыла вылить еще в пятницу после мытья полов. Я делаю мысленную пометку: уволить Машу нельзя, как мать-одиночку, а ругать — бесполезно. Просто скажу ей вылить его еще раз.

Мой телефон вибрирует в кармане черного брючного костюма. Сообщение от матери: «Инга, ты поела?». Я не отвечаю. Мать — хирург на пенсии, и ее забота выражается в вопросах о еде и тонких намеках на то, что в тридцать пять пора бы уже родить пару-тройку человек. Она не знает, что я давно похоронила идею нормальной семьи. В моем мире нет места розовым соплям и ужинам при свечах, потому что мои свечи — всегда поминальные.

Я прохожу в секционную. Здесь все дышит смертью — и я люблю это. Ритуальное агентство «Аид» — мое детище. Я выкупила его десять лет назад у старого Аркадия Соломоновича, который после смерти жены не мог больше смотреть на венки без слез. Он продал мне бизнес за смешные деньги, сказав: «Ты, Инга, женщина с холодной головой. У тебя получится». Тогда мне было двадцать пять, я только что развелась с мужем, который оказался болваном и, что хуже, романтиком. Он хотел детей и уюта, а я хотела… не знаю. Просто хотела, чтобы мир вокруг соответствовал моему внутреннему состоянию. А внутри у меня всегда была зима.

Сегодня у меня три заказа. Первый — кремация. Мужчина, пятьдесят восемь лет, сердечный приступ. При жизни весил килограммов сто двадцать. Я смотрю на тело, лежащее на металлическом столе под тусклой лампой, и вздыхаю.

— Ну что, голубчик, — говорю я, натягивая латексные перчатки. — При жизни ты явно любил поесть. Костюм пришлось заказывать на два размера больше. Хорошо, что теперь тебе все равно.

Мой голос звучит ровно, без эмоций. Я не сумасшедшая — я просто полюбила разговаривать с мертвецами, потому что живые слишком часто врут, а мертвые — честнее. Они не просят повышения, не изменяют, не уходят, хлопнув дверью — просто лежат и слушают.

Я проверяю документы: подпись врача, свидетельство о смерти, разрешение на кремацию. Все на месте. В углу морга стоит картонный ящик с вещами усопшего — часы «Восток», потертый бумажник, вязаный шарф. Я беру шарф, подношу к лицу. Пахнет табаком и старостью. На секунду мне становится грустно, и я отгоняю это чувство, как назойливую муху.

— Инга Игоревна!

Голос Ильи раздается из коридора. Молодой санитар, двадцати семи лет, высокий, широкоплечий блондин с зелеными глазами, которые всегда смотрят на меня так, будто я — икона Божией Матери. Он влюблен в меня три года, с момента, как устроился сюда. Я знаю это по тому, как он приносит мне кофе без сахара, как задерживается после смены, чтобы «помочь

с отчетами», как смотрит на мои губы, когда я говорю, и в вырез платьев, когда я наклоняюсь над очередным телом. Это льстит, но не более, и поэтому я каждый раз даю понять, что между нами ничего не может быть. Но он, кажется, в это не верит.

— Что? — спрашиваю я, не оборачиваясь.

Илья входит в морг, его шаги гулко отскакивают эхом от кафельного пола. Он останавливается в дверях, переминается с ноги на ногу.

— Там Маша опять… — начинает он, но я перебиваю:

— Да пусть болтает. Чего ты к ней привязался?

— Она обсуждает «Беременна в 16», — широко улыбается Илья. — Говорит, что главная героиня — дура, а ее парень — козел.

— И она права, — усмехаюсь я.

Я подхожу к телу, беру шланг и начинаю обмывать его. Вода стекает по бледной коже, собирается в желобе, уходит в слив. Илья стоит и смотрит. Я чувствую его взгляд на своей спине, на талии, на затылке. Он хочет помочь, но не знает, как предложить, чтобы не показаться навязчивым. В итоге он просто говорит:

— Я могу… эм… подготовить крематорий.

— Можешь, — киваю я. — Проверь давление в баллонах, будь добр.

Он уходит, а я остаюсь одна, с мертвецом и своими мыслями. Через десять минут в секционную врывается Маша — точнее, вплывает. Ей тридцать лет, она чуть полновата, носит русое каре, которое вечно торчит в разные стороны, у нее чуть вздернутый смешной нос и глаза, полные искреннего дружелюбия. Она — плохая секретарша и худшая в мире уборщица. Путает документы, забывает, кому звонить, и однажды отправила прах не в тот город. Но она — хороший человек. А таких, как я, тянет к хорошим людям. Наверное, потому что мы надеемся, что их тепло передастся и нам.

— Инга Игоревна! — Маша машет телефоном. — Там клиент звонил. Спрашивал, можно ли кремировать кота.

— Можно, — отвечаю я. — За двойной тариф. Скажи, что это услуга «VIP-питомец».

— А это законно?

— Маша, — я снимаю перчатки, выбрасываю их в мусорное ведро. — В этом мире законно все, за что платят.

Она кивает, убегая. Я смотрю на часы. Половина девятого. Пора открывать «Аид». Я выхожу на ресепшен, подхожу к витражному окну, открываю жалюзи. Улица за ним — серая, люди спешат на работу, машины гудят. Никто из них не думает о смерти. А я думаю. Каждое утро. Не потому, что я мрачная. Просто я знаю: конец — единственное, что на сто процентов гарантировано в этой жизни.

И это странно, но именно от этого понимания я чувствую себя живой.

Я иду в свой кабинет. Он небольшой, но уютный: старый деревянный стол, шкаф с книгами — французская литература вперемешку с каталогами гробов, кожаное кресло. На столе — пепельница в форме черепа, подарок Ильи. В ней — два окурка вишневых сигарет. Я закуриваю третью. Дым стелется по комнате, смешиваясь с запахом формалина, который пропитал стены. Этот запах я не чувствую уже лет пять. Как и запах разложения.

Маша кричит из приемной:
— Инга Игоревна! К вам… тут… люди!

Я не спешу. Гости бывают разные. Некоторые приходят заранее, чтобы «все обсудить». Некоторые — чтобы просто выговориться и поплакать. Я докуриваю сигарету, тушу ее о череп, поправляю прическу — длинные прямые черные волосы, спадающие на спину гладкой волной. Идеальная осанка. Серебряное кольцо в виде извивающейся змеи на среднем пальце. Я готова.

Выхожу в приемную. И замираю.

В дверях стоит мужчина. Высокий, крупный, с каштановыми волосами и зелеными глазами. На нем дорогое пальто, явно не смоленского производства и, может быть, даже не российского. Пахнет статусным парфюмом — что-то древесное, с ноткой кожи и табака. Рядом с ним — второй: ниже на полголовы, шире в плечах, стрижен под «ежик», взгляд серых глаз тяжелый, изучающий, в кожаной куртке. Они оба — не из моего мира. И они вряд ли пришли хоронить любимую бабулю. Я сразу чувствую, что они наверняка из тех, кто со смертью на «ты». Время сейчас неспокойное, так что меня это даже не удивляет.

Мужчина повыше оглядывается с любопытством. Смотрит на гробы в выставочном зале, на венки, на портреты усопших на стенах. Потом его взгляд находит меня. И он замирает.

Я вижу, как его глаза расширяются. Как на секунду он забывает, зачем пришел. Он не ожидал увидеть здесь молодую женщину. Я знаю это выражение лица. Мужчины смотрят на меня так часто: сначала — удивление, потом — интерес, потом — желание. Иногда — страх. Этот пока на второй стадии.

— Доброе утро, — говорю я, и мой голос звучит ровно, вежливо, с легкой прохладцей. — Чем могу помочь?

Мужчина повыше молчит. Второй, — напрягается, делает шаг вперед, но первый останавливает его жестом, и я сразу считываю расстановку сил в этой паре. Медленно, будто пробуя каждое слово на вкус, он произносит:
— Вы… владелица «Аида»?

— Верно.

Он улыбается. Улыбка у него опасная — красивая и хищная одновременно. Он подходит ближе. Я не отступаю.

— Сергей Николаевич Белов, — представляется он. — Можно просто — Серый. А это — Иван Ломовицкий. Мой друг и помощник. Можно просто — Лом.

— Инга Игоревна Орлова, — отвечаю я, представляясь фамилией бывшего мужа, которую не стала меня на девичью после развода. — Можно просто — Инга Игоревна.

Иван за спиной Белова шумно выдыхает. Маша испуганно выглядывает из-за стойки. Илья появляется из подсобки, вытирает руки тряпкой, смотрит на гостей с тревогой. Я чувствую, как атмосфера сгущается, становится тяжелой, как перед грозой.

Белов оглядывается по сторонам, будто оценивая мое готическое «королевство».
— Уютно у вас тут, Инга Игоревна, — говорит он. — Пахнет… смертью.

— Это формалин, — поправляю я. — Смерть пахнет иначе. Но вы, думаю, это и так знаете.

Он усмехается. В его глазах вспыхивает что-то — то ли злость, то ли восхищение. Он явно не привык, чтобы с ним так разговаривали, особенно женщины. По его выправке и мимике видно, что в его мире женщины либо боятся, либо стелются. Но я — ни то, ни другое. Я просто стою и смотрю на него.

— Мне нужно с вами поговорить, — говорит он. — Наедине.

— У меня нет секретов от сотрудников, — отвечаю я. — Но если вам так удобнее — пойдемте в кабинет.

Я поворачиваюсь и иду, не оборачиваясь. Слышу его шаги за спиной — тяжелые, уверенные. Иван бесшумно идет за нами, и я чувствую его взгляд на своем затылке.

В кабинете я сажусь в свое кресло. Белов садится напротив, не спрашивая разрешения. Он оглядывает книги на полках. Потом снова смотрит на меня. Иван встает в дверях.

— Вы знаете, кто я? — спрашивает он.

— Догадываюсь.

— И не боитесь?

— А должна?

Он наклоняется вперед, опираясь локтями на колени. Его глаза — зеленые, как бутылочное стекло, — смотрят на меня в упор. Он пытается меня продавить. Я это чувствую. Но я — гробовщица. Меня продавить невозможно — я работаю с тем, чего все боятся и давно перестала бояться сама.

— У вас есть два варианта, — говорит он. — Первый: вы работаете на меня. Второй: вы закрываетесь. Я не предлагаю третий, потому что он включает в себя программу кормления рыб плотью в «бетонных тапочках» на дне Днепра, а вы явно этого не хотели бы. Да и жаль портить такую красоту, не находите?

— Продолжайте, — говорю я, не испытав страха. Угрозы — это просто слова. А слова я слышала разные. От клиентов, от конкурентов, от бывшего мужа, когда тот выпивал. Ни одна из них не сбылась.

— Моей организации нужен свой человек в похоронном бизнесе в этом районе. Доступ к крематорию. Возможность… быстро заметать следы. Вы будете получать процент. Хороший процент. Взамен — моя защита. Никто вас не тронет. Ни конкуренты, ни налоговая, ни менты. У вас ведь сейчас проблемы с бюро «Последний путь»? Считайте, их больше нет. «Север» позаботится о вас, если согласитесь.

Я слушаю его молча. Он говорит уверенно, без нажима, но с той спокойной силой, которая не требует доказательств. Он — хищник. Но хищник умный — не гопник с района, который машет кулаками. Этот играет в долгую.

— Хотите? — спрашиваю я, кивая на бутылку виски на столе.

Он удивленно поднимает бровь.

— Вы пьете?

— Иногда. Когда есть повод.

Я достаю два стакана, наливаю. Протягиваю ему один. Он берет.

— У меня два правила, Сергей, — говорю я, поднимая свой стакан. — Первое: в моем агентстве командую я. Второе: алкоголь я предлагаю только тем, кого уважаю или, во всяком случае, планирую уважать.

Иван, который все это время стоял у двери, напрягается. Я вижу, как его рука тянется к пистолету под пиджаком. Но Белов искренне усмехается.

— Значит, вы планируете меня уважать? — спрашивает он. — Или хотите покомандовать? Предупреждаю, я плохо поддаюсь дрессировке.

— Пока не знаю, — я пропускаю шутку мимо ушей. — Но вы хотя бы не пришли с автоматом. Это уже неплохая почва для установления деловых отношений.

Я делаю глоток. Виски обжигает горло, растекается теплом по груди. Белов смотрит на меня и тоже пьет, не отводя глаз.

— Итак, — говорю я. — Я согласна.

— Просто так?

— Не просто так. Я согласна работать с вами. Но на своих условиях. Если вы хотите кого-то кремировать без бумаг — я сделаю это, не спрашивая, кто это и почему. Но в стенах «Аида» ни вы, ни ваши люди не командуете ни мной, ни моим персоналом. Я сохраняю автономию. Все заказы — через меня. Все документы — мои, как и мой доход.

Он молчит долго, глядя на меня, как на редкий экспонат. Потом ставит стакан на стол.

— Договорились.

— Отлично.

Я встаю, давая понять, что разговор окончен. Он тоже встает. На секунду мы оказываемся слишком близко. Я чувствую его запах — парфюм, виски, что-то еще, теплое и мужское. Он смотрит на мои губы. На секунду, потом отступает.

— Я пришлю человека с первым заказом, — говорит он. — Сегодня вечером.

— Буду ждать.

Он выходит. Иван следует за ним. Дверь закрывается. Я стою посреди кабинета, слышу, как хлопает входная дверь, как заводится двигатель машины. Подхожу к окну. Черный BMW с тонированными стеклами отъезжает от «Аида». За рулем — Иван.

«Какое интересное утро, — думаю я. — Теперь я — гробовщица для бандитов. Прелестно».

Странно, но я не чувствую ужаса или желания бежать в слезах в полицию. Только легкое возбуждение, как перед прыжком с высоты или перед первым вскрытием. Что-то новое. Что-то опасное. Что-то, что заставляет сердце биться быстрее. И еще немного — понимание, что трепыхаться бесполезно. Если за мной уже пришли вот так — значит закон меня вряд ли способен уберечь. Надо быть реалисткой и хотя бы попытаться извлечь из новых обстоятельств выгоду.

Я докуриваю сигарету до фильтра, тушу ее в черепе. Смотрю на улицу. Город живет своей жизнью. Люди спешат. Никто из них не знает, что только что произошло в «Аиде».

Я оборачиваюсь. В дверях уже стоит Илья. В руке — тряпка, которую он сжимает так, что она превратилась в комок. Его зеленые глаза потемнели. Он смотрит на меня, и я вижу в его взгляде тревогу.

— Что? — спрашиваю я.

— Ничего, — говорит он. — Просто этот мужик… он выглядит опасным.

— Я знаю.

Я подхожу к нему, беру тряпку из его руки, разглаживаю.

— Именно поэтому — интересно.

Илья ничего не отвечает, просто глядя, как я ухожу в морг.

Глава 2. Первый пошел
Сергей

Утро начинается с бумаг — накладные, декларации, сертификаты. Я сижу в своем кабинете над ночным клубом «Полюс», пью эспрессо и просматриваю документы на партию контрабанды, которая должна прийти из Беларуси в четверг. Сигареты, алкоголь, немного электроники. Мелочь. Но мелочь, которая приносит стабильный доход.

Кабинет — моя крепость. Тридцать квадратов, панорамные окна, вид на центр Смоленска. Кожаный диван, дубовый стол, сейф за картиной. На стене — Бэкон. Разумеется, подлинник. Я купил его три года назад на аукционе в Лондоне. Лом тогда сказал: «Сергей, за эти деньги можно было купить полгорода». Я ответил: «За эти деньги я купил то, что делает меня не похожим на остальных».

Это правда. Я не хочу быть похожим на тех, кто вырос в заплесневелых панельках, кто живет «по понятиям», кто меряет успех толщиной золотой цепи на шее. Мой отец был таким. Николай Белов — волк старой закалки. Он строил «Север» на страхе и крови и умер, как положено дикому зверю — убили в перестрелке, когда мне было двадцать один. И я занял его место не потому, что хотел, а потому что больше было некому, но, раз уж так вышло, я решил менять эту систему под себя. Теперь Лом — единственный, кому я доверяю, потому что только он разделяет мои взгляды на дивный новый мир. Но важнее всего то, что он был со мной с детства — мы вместе росли, вместе учились стрелять, вместе хоронили моего отца.

Я отпиваю эспрессо. Горький. Как надо.

— Серый, — Лом входит без стука. — Партия приходит в четверг. Но есть проблема.

— Говори.

— «Заводские» перехватили нашего человека в Вязьме. Держат его в подвале на Ленинградской. Требуют встречи.

Я медленно ставлю чашку на стол. «Заводские» — конкурирующая ОПГ. Старая гвардия. Их лидер, Виктор Шульц, по кличке «Шуля», — шестидесятилетний ублюдок, который до сих пор считает, что мир делится на «своих» и «чужих», а «базар» — единственная форма переговоров. Он не понимает, что времена изменились, что теперь выигрывает не тот, кто громче кричит, а тот, кто умнее и может промолчать.

— Чего именно они хотят? — спрашиваю я.

— Уйти с Киевского шоссе. И долю в клубе.

— Долю в клубе, — повторяю я. — Они совсем ебанулись?

— Я тоже так подумал.

Я встаю, подхожу к окну, смотрю на город. Смоленск, конечно, не Москва, но тут все то же: машины, суетящиеся люди, кофейни на каждом углу. Обычная жизнь. Но под этой жизнью — другая. Моя. Где решают не законы, а деньги и сила. И пусть я строю эту другую жизнь не как мой отец — не через кровь, а через уважение, но иногда… иногда без крови не обойтись.

— Позвони Шуле, — говорю я. — Скажи, что я приеду сам. Завтра. В обед.

— Серый…

— Я сказал.

Лом кивает. Он не спорит, знает, что я не меняю решений. Он уходит, и я остаюсь один.

И тут в моей голове снова появляется она. Инга. Я вспоминаю ее руки — длинные бледные пальцы с идеальным маникюром. Темный лак — почти черный, с бордовым отливом. Я вспоминаю, как она наливала виски. Как держала стакан. Как смотрела на меня. Без страха. Без подобострастия. С каким-то клиническим любопытством, как энтомолог смотрит на редкое насекомое.

Я видел много женщин, самых разных. Красивых и умных, богатых и бедных, тех, кто набивает себе цену и тех, чья цена — бокал вина «Монастырская трапеза». Все они смотрели на меня одинаково: с вожделением, с расчетом, со страхом. Инга смотрела иначе. Она смотрела так, будто я — не Сергей Белов, не глава «Севера», не хозяин половины города. Будто я — просто мужик, который пришел в ее агентство, чтобы купить венок.

Это задевает. И заводит.

Я не должен думать о ней. Она — бизнес. Инструмент. Мне нужен крематорий. Мне нужно место, где можно сжигать тела без лишних вопросов. Она дала согласие, потому что хотела жить. Все. Точка. Но я думаю о ней. Весь день. Пока подписываю бумаги, пока разговариваю с людьми, пока решаю проблемы. Ее лицо. Ее голос. Ее руки.

Блять.

Я не мальчик, мне тридцать шесть, и я не теряю голову из-за женщин. Но эта… эта другая. Я чувствую это. И это меня беспокоит.

День тянется медленно. Я решаю вопросы, встречаюсь с людьми, подписываю документы. Но где-то на задворках сознания — она, как заноза. Как запах вишневого табака, который я не могу выкинуть из головы.

К шести вечера я уже не могу ждать. Я звоню Лому:
— Готовь машину. И тело.

— Которое?

— Из вчерашнего. Того парня с Досуговского. Занесите ей с черного хода.

— Понял.

Я надеваю пальто. Темно-серое, дорогой кашемир. Смотрю в зеркало. Все как надо — хищник. Но сегодня у меня не охота, а разведка.

«Аид» встречает меня тем же запахом. Формалин, можжевельник, что-то еще. Что-то, что я не могу назвать, но что теперь ассоциируется у меня с ней. Я вхожу. Лом остается в машине. Я один.

Она стоит в коридоре спиной ко мне. Волосы собраны в пучок. Черное платье. Туфли на шпильке. Я не вижу ее лица, но я знаю, что это она. По осанке. По тому, как она держит спину. Идеально, как струна.

— Добрый вечер, — говорю я.

Она медленно оборачивается. Ее глаза — карие, темные, глубокие — смотрят на меня спокойно, без улыбки.

— Сергей, — говорит она. — Вы пунктуальны.

— L’exactitude est la politesse des rois. Точность — вежливость королей.

— Похвально.

Она ведет меня в морг. Я иду за ней. Смотрю на ее спину, на то, как движутся ее плечи под черной тканью. Слушаю, как цокают каблуки по кафелю — ритмично, уверенно. Она знает, что я смотрю, и ей все равно.

В морге холодно. Тело уже лежит на металлическом столе. Мужчина лет тридцати. Лицо разбито, видны следы побоев. Инга надевает латексные перчатки, глядя на тело без эмоций, как на мебель.

— Без документов? — спрашивает она.

— Без.

— Причина смерти?

— Остановка сердца.

Она поднимает на меня глаза. В них — ирония. Легкая, едва заметная.
— Конечно, — говорит она. — Остановка сердца. У всех нас она когда-нибудь случится.

Я усмехаюсь. Она — первая, кто позволил себе такую шутку в моем присутствии.

Она начинает работать, быстро и профессионально, больше не задавая вопросов. Она даже не смотрит на меня, просто делает свое дело. Я наблюдаю за тем, как она прикасается к телу. Как проверяет что-то. Как берет инструменты. Ее руки — длинные пальцы в белых перчатках — двигаются уверенно, без брезгливости, без страха.

— Ну что, голубчик, — говорит она телу. — Скоро поедем, погреемся. А то замерз поди.

Я замираю. Она разговаривает с мертвецом так ласково, будто с живым. Будто с другом. Это… странно. И восхитительно. Я видел смерть много раз. Я видел, как умирают люди. Но я никогда не видел, чтобы кто-то так относился к мертвым с уважением, с заботой, даже с юмором.

— Вы всегда с ними разговариваете? — спрашиваю я.

Она не оборачивается.

— А вы всегда задаете вопросы, на которые уже знаете ответ?

Я молчу. Она права. Я знаю ответ. Она разговаривает с ними, и я, как ни странно, понимаю ее логику: живые — хуже. Живые врут, предают, боятся. Мертвые — уже честны, как никогда.

Она заканчивает подготовку. Смотрит на меня.

— Кремация, когда стемнеет, прах — в никуда.

— Отлично.

Я достаю бумажник. Она качает головой.

— Не сейчас. После.

— Хорошо.

Я должен уйти, но я не ухожу, просто стою и смотрю на нее. Она снимает перчатки, выбрасывает их, моет руки. Долго, тщательно. Потом вытирает бумажным полотенцем.

— Чего-нибудь еще? — спрашивает она. — Кофе? Чай? Виски?

— Виски, — говорю я. — Если можно.

— Конечно.

Она идет в кабинет. Я — за ней. Она наливает два стакана, протягивает мне один. Садится в кресло, смотрит на меня и ждет.

— За сотрудничество, — говорю я, поднимая стакан.

— За сотрудничество, — повторяет она с иронией в голосе.

Мы пьем молча. Я смотрю на нее — на ее губы, на то, как она держит стакан, на то, как смотрит на меня — спокойно, оценивающе, будто решает, заслуживаю ли я вообще того, чтобы продолжать со мной разговор.

— Знаете, — говорю я, — я не ожидал, что вы согласитесь так быстро.

— Я тоже. Но вы и ваш товарищ были убедительны.

— Это плохо?

Она едва заметно усмехается.
— Это предсказуемо. Все мужчины, которые приходят с такими предложениями, убедительны. И настойчивы, пока не получат свое.

— А вы думаете, я хочу получить свое?

— Я думаю, вы хотите получить все. Но я не отдам вам все. Только то, что выгодно мне.

Я смеюсь. Она ставит стакан.
— Мне пора. Тело не будет ждать.

— Я могу остаться?

Она поднимает тонкую черную бровь.
— Зачем?

— Посмотреть.

— На кремацию?

— На вас.

Она смотрит на меня долгим изучающим взглядом, совершенно без какого-либо настоящего интереса. Потом качает головой.
— Нет.

— Почему?

— Потому что в «Аиде» распоряжаюсь я, а вы, кем бы ни были за его стенами, здесь — только клиент.

— Я не клиент.

— Все — клиенты, Сергей. Рано или поздно все приходят в «Аид». Кто-то раньше, кто-то позже. Но приходят все.

Она встает. Дает понять, что разговор окончен. Я тоже встаю. Наши взгляды встречаются. Я чувствую, как между нами натягивается струна тонкая, звенящая, готовая лопнуть от любого неловкого движения.

— Тогда до встречи, — говорю я.

— До встречи, — отвечает она.

Я выхожу. Лом ждет в машине.

— Ну что? — спрашивает он.

— Ничего.

— Она справилась?

— Ага.

— Тогда почему ты такой?

Я не отвечаю — смотрю в окно. На «Аид». На свет в окнах ее мрачной крепости. Она все еще там. Одна с мертвецом и виски. Я думаю о ней всю дорогу домой. О ее руках. О ее голосе. О том, как она сказала: «Все — клиенты рано или поздно». И о том, как я хочу, чтобы она ошибалась. Хотя бы в моем случае.

Глава 3. Тени прошлого
Инга

Выходной — редкое слово в моем лексиконе. В «Аиде» не бывает выходных — смерть не соблюдает трудовой кодекс. Но сегодня я позволила себе роскошь: не открывать агентство до полудня, а с утра пораньше сесть в свою черную «Волгу» и поехать за город к матери.

ГАЗ 21 — моя гордость и моя слабость. Этой красотке пятьдесят восемь лет. Я купила ее пять лет назад у местного коллекционера, и когда села за руль и завела двигатель, то почувствовала, что наконец-то нашла машину, которая соответствует моему внутреннему состоянию. Черная, тяжелая, надежная и чертовски элегантная.

Дорога до поселка занимает сорок минут. Я еду медленно — растягиваю удовольствие. За окном — поля, перелески, серое небо. Смоленская область в конце октября — это декорация для фильма ужасов для драмы на «России 1», но мне нравится. А еще здесь тихо.

Я закуриваю вишневую сигарету и опускаю стекло. Ветер треплет мои волосы — длинные, черные, распущенные. Выходной — значит, можно не быть идеальной.

Мать живет в доме на краю поселка, который достался ей от бабушки. Оксана Магид — хирург на пенсии, шестьдесят два года: руки, которые держали скальпель сорок лет, и глаза, которые видят людей насквозь. Она вышла на пенсию два года назад, но до сих пор иногда консультирует в районной больнице. «Не могу сидеть без дела», — говорит она. Я понимаю. Я тоже не могу.

Я паркуюсь у калитки. Выхожу. Пахнет мясом и специями, и мой желудок напоминает, что я не ела со вчерашнего вечера.

— Инга! — мать стоит на крыльце. В фартуке, с полотенцем на плече. Седые волосы собраны в узел. На лице — улыбка.

— Привет, мам.

Я поднимаюсь по ступеням. Она крепко обнимает меня, как умеют обнимать только матери. Я вдыхаю запах ее дома: пыль, старая мебель, лекарства, жаркое. Детство.

— Ты похудела, — говорит она, отстраняясь и оглядывая меня с головы до ног.

— Я не похудела.

— Похудела. Ты ешь?

— Мам.

— Что «мам»? Я твоя мать. Я имею право спрашивать.

Я захожу в дом. Здесь все как всегда: круглый стол под белоснежной скатертью, иконы в углу — хотя мать, как и я, не верит в Бога, но бабушка верила, и мать не снимает, — старый телевизор, который включается раз в год, книги на полках. Хирургические атласы рядом с детективами.

— Садись, — командует она. — Сейчас будем есть.

Я мою руки и сажусь. Она достает из духовки горшочки. Жаркое с картошкой, с мясом, с яблоком. Я чувствую, как слюна наполняет рот. Мать ставит горшок передо мной, кладет вилку и наливает чай.

— Ешь.

Я ем, мать сидит напротив и смотрит на меня. Она всегда так смотрит — будто читает историю болезни.

— Как работа? — спрашивает она.

— Работаю.

— Не юли. Как работа?

— Мам, ну все нормально. Люди мрут, я закапываю.

— Нормально — это когда не воруют и не убивают. У тебя все нормально?

Я откладываю ложку. Смотрю на нее.
— Мам, если ты снова хочешь спросить, не связалась ли я с криминалом, то спроси прямо.

Она не отводит строгий взгляд.
— Я спрашиваю прямо. Ты связалась с криминалом?

— Я работаю в ритуальном бизнесе. Там все связаны с криминалом. Так или иначе.

— Инга.

— Что?

Она вздыхает. Отпивает чай. Ставит чашку.
— Я не буду читать морали. Ты взрослая. Ты умная. Ты все понимаешь сама. Но я хочу, чтобы ты знала: что бы ты ни делала, я всегда на твоей стороне. Даже если ты ошибаешься.

Я молчу. В горле — комок. Я не умею принимать такие слова и не умею отвечать на них.
— Спасибо, — говорю я наконец.

— Не за что. Ешь.

Я ем. Мать смотрит в окно. Потом говорит:

— Я видела во сне твоего отца.

Вилка замирает на полпути ко рту.
— Чего?

— Игоря. Видела во сне. Он стоял на крыльце. В форме. Молодой, как когда мы поженились. Смотрел на меня и улыбался. Ничего не говорил, просто улыбался.

Я откладываю вилку. Аппетит исчезает мгновенно.
— Мам, давай не будем.

— Почему?

— Ну, потому что.

— Потому что больно. Я знаю.

Я молчу. Она права. Потому что больно. Даже через пятнадцать лет я не могу говорить о нем. Не могу вспоминать. Не могу смотреть на его фотографии. В моей квартире нет ни одной. Только в памяти, где-то глубоко, где я не достаю.

— Ты стала слишком похожа на него, — говорит мать. — Такая же упрямая. Такая же закрытая. Такая же холодная.

— Я не холодная.

— Холодная. Но это не твоя вина. Это его. Он научил тебя не показывать чувства. Он говорил: «Если ты показываешь слабость, тебя съедят». И ты поверила. А я… я не смогла тебя переубедить.

Я встаю, беру чашку и иду к раковине. Мою долго, тщательно. Горячая вода льется на руки, почти обжигает.
— Мам, я поеду.

— Так рано?

— У меня дела.

— В выходной?

— У меня всегда дела.

Она вздыхает. Встает. Подходит ко мне. Кладет руки на плечи. Я чувствую ее ладони — теплые, сухие, сильные.
— Инга. Что бы ни случилось — ты всегда можешь приехать. Поняла? Всегда.

— Поняла.

Я целую ее в щеку, иду к двери. На пороге оборачиваюсь.

— Мам.

— Да?

— Как ты?

Она снисходительно улыбается.

— Я старая женщина, которая похоронила мужа, вышла на пенсию и живет одна. Я в полном порядке.

Я киваю и выхожу. Сажусь в «Волгу», завожу двигатель и смотрю в зеркало заднего вида. Мать стоит на крыльце, машет рукой. Я машу в ответ и уезжаю.

Дорога обратно. Я еду еще медленнее, чем утром. Мысли — как машины на встречке, несутся на меня, и я не могу их остановить.

Отец. Игорь Магид.

Я вспоминаю его руки, большие, шершавые. Он был милиционером — работал в уголовном розыске. Возвращался домой поздно. Иногда — с синяками, иногда — с кровью на рубашке. Мать молча стирала. Я молча смотрела.

Он начал учить меня стрелять, когда мне было двенадцать. Мы ездили за город, на заброшенный полигон. Он ставил банки на пеньки, давал мне пистолет — старый, тяжелый, пахнущий маслом. И говорил:

— Держи крепко. Не бойся отдачи.

Я стреляла. Сначала плохо, потом чуть менее плохо, потом совсем хорошо. Он хвалил меня редко, но хвалил.

— Ты должна уметь защитить себя, — говорил он. — Потому что мир не будет с тобой нежным. Мир вообще не самое доброе место. Запомни это.

Я запомнила.

Ему было сорок пять, когда его убили. Мне — двадцать. Я училась на втором курсе, и мать позвонила мне ночью. Голос — как у чужой. «Инга. Папа погиб». Я тогда не поверила. Как это — погиб? Он же был сильным. Он же был неуязвимым. Он же учил меня стрелять, чтобы я могла защититься. Неужели он не смог защитить себя? В той перестрелке на заброшенном складе на окраине Смоленска закончилась не только его жизнь, но и мое детство.

Я останавливаюсь у заброшенного здания. Не планировала, просто ноги сами нажали на тормоз у старого здания на въезде в город. Бывший склад, сейчас — руины. Окна выбиты, стены в граффити, крыша провалилась. Здесь пятнадцать лет назад убили моего отца.

Я выхожу из машины и закуриваю, прислоняясь к капоту. Смотрю на небо. Я не была здесь тогда — мать не пустила. Но я представляла много раз, как он стоял здесь, как стрелял, как упал и как умер.

Я курю медленно. Вишневый дым смешивается с запахом сырости и старого бетона. Я смотрю на здание и думаю: «Пап, я справляюсь. Правда. Я справляюсь. Ты бы, наверное, не одобрил. Но я справляюсь».

Я докуриваю. Бросаю окурок, сажусь в машину, завожу двигатель и еду в город.

Слежку я замечаю сразу — профессиональная паранойя. Но я вижу: черная «Приора», держится на расстоянии. Не обгоняет, не отстает, просто едет за мной.

Я не паникую, но ускоряюсь. Проверяю. «Приора» ускоряется тоже. Я сворачиваю налево. Она — за мной. Я сворачиваю направо. Она — тоже за мной. Я еду в переулок — узкий и темный. Авто не рискует, останавливается. Я вижу в зеркало, как машина разворачивается и исчезает.

Я еду домой, и сердце стучит ровно, как метроном. Я не боюсь — просто фиксирую, что кто-то наблюдает за мной и не особо пытается это скрыть.

Я решаю не ехать в «Аид» — Маша справится без меня сегодня, и возвращаюсь домой. Мой дом — сталинка в историческом центре Смоленска. Квартира на втором этаже. Три комнаты. Ремонт — моими руками: серые стены, темно-коричневая мебель. Никаких фотографий, никаких воспоминаний, только книги, кактусы и большие окна с видом на сад Блонье.

Я поднимаюсь по лестнице и замираю.

Илья.

Он сидит на ступеньках у моей двери. С букетом белых лилий. В руках — пакет, из которого пахнет китайской едой. Он поднимает на меня зеленые распахнутые глаза.

— Инга Игоревна.

— Илья. Что ты здесь делаешь?

— Я… я думал, вы дома. Я принес… — он мнется. — Лилий. Они же для похорон, и я подумал, что вам понравится.

Я смотрю на него, на его наивное лицо, на его искренность, и чувствую что-то среднее между раздражением, умилением и жалостью.

— У меня сегодня выходной.

— Я знаю. Я просто… хотел вас увидеть.

Я вздыхаю. Открываю дверь. Пропускаю его.

— Заходи. Раз уж пришел.

Он заходит. Оглядывается. Он был здесь раньше пару раз, но всегда — по делу, не как гость. Сейчас — как гость. Или как влюбленный идиот. Что, в общем-то, одно и то же.

Я беру цветы. Ставлю в вазу. Ваза — черная, керамическая. Лилии в ней смотрятся… правильно. Как и все в моем доме. Хотя сами лилии я не люблю за резкий аромат.
— Спасибо, — говорю я. — Красивые.

Он светится как лампочка.
— Я рад, что вам нравится.

— Что в пакете?

— Еда. Я подумал, вы, наверное, опять не обедали.

Вообще-то я ела недавно, но я смотрю на пакет, потом на него, и вздыхаю.
— Ладно. Оставайся, но ненадолго.

— Конечно.

Мы садимся на кухне. Он разогревает еду — что-то из «Чихо». Я не голодна, но ем, потому что вообще-то я люблю азиатскую кухню. И потому что он старался. В качестве компенсации за траты выпишу ему премию в конце месяца, чтобы не оставаться должной. Или закажу еду в «Аид» и угощу его и Машу.

Он рассказывает что-то о матери, которая звонит каждый день, о том, что хочет купить машину к концу года. Я слушаю вполуха, потому что думаю о другом. О «Приоре». О Белове. О том, что теперь моя жизнь — не только моя. Что я ввязалась в игру, из которой не выходят просто так.

— Инга Игоревна.

— Что?

— Вы меня не слушаете.

— Слушаю.

— Нет. Вы думаете о чем-то другом. О ком-то другом.

Я поднимаю на него глаза.
— Илья. Не начинай.

— Я не начинаю. Я просто…

Он замолкает. Смотрит на меня. Потом протягивает руку и накрывает своей ладонью мою. Пытается погладить, медленно и неуверенно, как будто просит разрешения.

Я высвобождаю свою руку, мягко, но твердо.
— Не надо.

— Почему?

— Потому что.

— Потому что… я не он?

Я молчу, не потому что он прав — я не думаю о Белове, как о мужчине, а он явно имеет ввиду именно его. А потому что Илья — просто не тот, кто мог бы вызывает во мне что-то большее, чем умиление.

— Илюш, — говорю я. — Ты хороший.

Он усмехается.

— Это худшее, что женщина может сказать мужчине.

— Знаю. Но это правда. Ты хороший. Не порти это.

Он смотрит на меня, и в его глазах — боль. Я вижу ее. И мне становится… не все равно. Но недостаточно, чтобы что-то изменить.

— Я пойду, — говорит он.

— Иди.

Он молчит. Потом кивает. Уходит. Дверь закрывается. Я остаюсь одна. Запах лилий, который я ненавижу, заполняет пространство, и я закуриваю, чтобы его перебить, и думаю, стоит ли мне сказать Сергею о том, что я заметила слежку. Но решаю, что пока — нет.

Глава 4. Жан-Сак
Сергей

Встреча с «Заводскими» — это всегда потеря времени. Я знаю это заранее. Но я еду, потому что война — дороже, потому что кровь — это не бизнес, а эмоции. А эмоции в нашем деле — роскошь, которую я не могу себе позволить.

Ресторан «Русский двор» на окраине Смоленска — нейтральная территория. Стол все-таки организовали на четверых. Я, Лом, Шуля и его человек — молодой, дерзкий, с золотой цепью и крестиком на шее. Кличка — «Штык». Он смотрит на меня, как на врага, а я смотрю на него, как на кучу мусора. Потому что он — никто, просто пешка.

Шуля — вот кто решает. Шестидесятилетний, седой, с лицом, как у старого бульдога. Он пьет много водки и громко говорит. Он не понимает, зачем я позвал его сюда. Шуля привык решать вопросы по-другому: приехать, напугать, забрать, убить, закопать. Но мне это не подходит.

— Серый, — говорит он, наливая себе очередную рюмку. — Ты молодой, горячий. Но ты не прав. Киевское шоссе — наше. Всегда было нашим. Ты хочешь попытаться забрать — забирай. Но потом не удивляйся.

— Я не хочу забирать, — отвечаю я. — Я хочу разделить. Пятьдесят на пятьдесят. Ты контролируешь поставки. Я — логистику. Оба в плюсе.

Он смеется — громко и неискренне.

— Пятьдесят на пятьдесят? Ты ахуел, Белов? Это наша земля. Мы здесь двадцать лет. Твой отец сюда не лез. А ты лезешь.

— Мой отец умер. Я — не он.

— Вот именно, — Шуля наклоняется вперед. Его глаза — маленькие, злые, мутные. — Ты — не он. Ты — щенок, который думает, что если он надел костюм и научился говорить «здравствуйте», то он — порядочный бизнесмен. Но ты — уголовник. Как и я. Как и все мы. Только я это признаю. А ты — нет.

Я молчу. Потому что он прав и, одновременно, не прав. Я-то, конечно, уголовник. Но только я — не хочу быть как они и не буду. Я не хочу, чтобы мои дети — если они будут — росли в мире, где все решают «понятия» и «стрелки». Я хочу другого. Но объяснять это Шуле — бессмысленно, он не поймет. Он — старая гвардия и, к счастью, старая гвардия вымирает. Иногда — сама. Иногда — с помощью. Не Божьей, конечно.

— Ты подумай, — говорю я. — У тебя есть время. Неделя. Потом я приду снова. И тогда разговор будет другим.

— Угрожаешь?

— Предупреждаю.

Я встаю. Лом — за мной. Шуля остается сидеть и смотрит на меня. В его глазах — ненависть и страх. Он явно боится меня. Потому что я — непонятный. А все непонятное таких как он пугает.

Мы выходим. Садимся в машину. Лом за рулем. Я — на заднем сиденье. Смотрю в окно. Город плывет мимо. Серый. Холодный. Мой город.

— Он не согласится, — говорит Лом.

— Знаю.

— Что тогда?

— Тогда будет война.

— Ты готов?

— Пионер всегда готов.

Лом молчит. Он знает, что я не хочу бойни, но он также знает, что я не отступлю, потому что отступление — это слабость, а слабость — всегда смерть.

Я смотрю на часы. Шесть вечера. Я не хочу ехать в «Полюс». Не хочу разбирать бумаги. Не хочу разговаривать с людьми. Я хочу… я хочу увидеть ее. Ингу. Не потому, что мне что-то от нее нужно. Просто увидеть, услышать ее голос. Просто почувствовать, что в мире есть что-то, кроме крови и денег.

— Лом.

— Да?

— В «Аид».

Он смотрит на меня в зеркало удивленно, но не спрашивает. Просто кивает и поворачивает.

Мы подъезжаем к «Аиду» через двадцать минут. Я выхожу. Лом остается в машине. Я вхожу внутрь, слышу запах формалина и тишину. Здесь всегда тихо, как в церкви.

Маша — секретарша — сидит на ресепшене и смотрит сериал на телефоне. Когда я появляюсь у стойки, она поднимает на меня глаза и пугается. Я понимаю — она не привыкла к таким как я.

— Сергей Николаевич, — лепечет она. — Инга Игоревна… она… в морге. Заканчивает.

— Хорошо.

Я иду в морг не спрашивая разрешения. Потому что я — Белов. Потому что я привык ходить без разрешения, и потому что я хочу ее видеть.

Дверь в секционную приоткрыта. Я вижу ее через щель. Она стоит над телом, руки в перчатках, волосы убраны в пучок.

— Ну что же ты, мой хороший, — говорит она телу. — Совсем ты себя запустил. Печень — как у ветерана, сердце — как у старика. А ведь тебе еще пятидесяти нет. Обидно, да?

Она говорит с ним, и я стою и слушаю, не дыша, словно боюсь спугнуть ее разговор с мертвецом, который звучит с нежностью и пониманием. Но потом все же подаю голос:
— Вам совсем не страшно тут одной?

Она не вздрагивает, просто продолжает работать.
— Вы всегда подкрадываетесь, Сергей?

— Я не подкрадываюсь. Я хожу.

— Тихо ходите.

— Привычка.

Она заканчивает, моет руки, потом смотрит на меня.
— Страшно? — переспрашивает она. — Кому?

— Вам.

Она усмехается.
— Бояться надо живых, а эти… Они не предадут, не ударят в спину, не будут требовать долю в бизнесе или алименты и тест ДНК. Они просто лежат и слушают. Они такие добрые, эти покойники. И собеседники замечательные.

Я смеюсь. Искренне, как будто что-то внутри меня разжимается, какая-то пружина, которая была сжата половину дня. Совсем легко, но я ее чувствую.

— Вы — удивительная женщина, Инга Игоревна.

— Я — гробовщица, Сергей. Это не профессия, а состояние души.

Она проходит мимо меня, направляясь в свой кабинет. А я, не зная, что еще делать, иду за ней. Как мальчик. Как щенок, которым назвал меня Шуля. Как идиот. Но я не могу иначе — меня тянет к ней, как магнитом к пропасти. Я знаю, что там — дно. Но я все равно иду.

В кабинете она садится в кресло, смотрит на меня и ждет. Я стою перед ней, как студент перед учительницей и не сажусь. Потому что не знаю, зачем пришел и не знаю, что сказать. Я — Белов, Серый. Я всегда знаю, что сказать. Но рядом с ней я теряюсь как подросток.

— Вы что-то хотели? — спрашивает она.

— Да.

— Что же?

— Ужин.

Она поднимает бровь.
— Ужин?

— Я хочу пригласить вас на ужин.

— Нет, — отрезает она без раздумий.

— Почему? — ее ответ заставляет меня растеряться еще больше.

— Потому что не хочу.

— Инга. Пожалуйста.

Она слышит из моих уст просьбу, и смотрит на меня иначе, чем мгновение назад. В ее глазах — не интерес, но удивление, которое заставляет меня не сдаться.
— Хорошо, — говорит она, помолчав. — Ужин. Но не в ресторане.

— Где?

— Здесь.

— В «Аиде»?

— В моем кабинете. И еду вы привезете сами. Но это будет не свидание, а… деловая встреча. За ужином.

Я смотрю на эту женщину, которая только что поставила мне условия. Мне. Человеку, которого боятся все, а она даже не моргнула.
— Договорились, — киваю я.

— Прекрасно.

Я выхожу. Сажусь в машину. Лом смотрит на меня как на ненормального.
— Ты… что?

— Ужин.

— С ней?

— С ней.

— Серый…

— Ничего не говори.

Он молчит, но я вижу его лицо. Он, должно быть, думает, что я сошел с ума.

Я еду в ресторан «Жан-Сак» — лучший в Смоленске. Французская кухня — дорого и вкусно. Я заказываю все: устрицы, трюфели, стейк, десерт, бутылку «Шато Марго». Мне упаковывают, и не в бумажный пакет, а в красивую корзину с логотипом. Я везу это в «Аид», и чувствую себя дураком, но тут же одергиваю себя — я просто мужчина, который впервые в жизни делает что-то не для денег, не для власти и не для статуса. А просто… потому что хочет. Моего желания — достаточно.

Она ждет меня в кабинете. Я ставлю корзину на письменный стол и начинаю раскладывать еду. Она смотрит на устрицы, на вино, после — на меня.

— Вы серьезно, — говорит она.

— Абсолютно.

Она слегка закатывает глаза — но я вижу, что это театр, и я улыбаюсь снова. Второй раз за вечер — это рекорд.

Она берет бокал, и мы садимся напротив друг друга. Мы ужинаем среди книг по анатомии и каталогов гробов, и в кабинете пахнет формалином и трюфелями. И это — самый странный ужин в моей жизни, но самый интересный.

Мы говорим о литературе. Инга любит Мопассана, я — Бодлера. Она говорит, что Мопассан понимал женщин, а я говорю, что Бодлер понимал смерть. Она усмехается. Говорит: «Смерть понимает только тот, кто работает с ней каждый день». Я соглашаюсь.

Мы говорим о страхе. О том, что страшно не умереть, а жить, что жизнь — это постоянный страх, а смерть — освобождение. Она говорит это спокойно, без пафоса и позы, просто как факт. И я понимаю, что она не притворяется.

— Вы знаете, — говорю я, — вы — первая женщина, которая не пытается мне понравиться.

— А зачем?

— Не знаю. Обычно все пытаются.

— Я — не все.

— Я заметил.

Она долго смотрит на меня, потом говорит:

— Вы знаете, почему я согласилась на этот ужин?

— Почему?

— Потому что вы — единственный мужчина за последние лет десять, который смотрит на меня не как на женщину, а как на человека, с которым можно поговорить.

Я киваю, потому что она права. Я смотрю на нее не как на женщину. Точнее, не только как на женщину. Я смотрю на нее как на равного, как на противника, как на партнера, как на того, кто может понять. И это — новое. И меня это пугает, но я не показываю.

— Смерть, — говорю я.

— Что?

— Если бы у вас было прозвище, оно было бы Смерть. Это слово вам идет.

Она впервые мне улыбается — не просто уголками губ, а широко, искренне, обнажая ровный ряд белых влажных зубов. И я понимаю, что готов отдать все — деньги, власть, «Север» — за то, чтобы увидеть эту улыбку снова.

— Смерть, — повторяет она с усмешкой. — Мне нравится.

— Я рад.

Я уезжаю в полночь. Она провожает меня до двери и говорит:

— До встречи, Серый.

— До встречи, Смерть.

Я сажусь в машину. Лом ждет, глядя на меня вопросительно. Я ничего не говорю ему, и думаю о том, что впервые за долгое время мне не скучно. Впервые за долгое время я чувствую, что живу. И это — страшно. И это — прекрасно. Даже если причина — Смерть.

Глава 5. Полюс притяжения
Инга

Вообще-то не хожу по клубам — слишком шумно, людно и живо. Мое место — «Аид», крематорий, кабинет и кладбища, где, как пел Михаил Ножкин «все спокойненько». Но когда Сергей Белов звонит мне в девять вечера и говорит: «Есть дело. Приезжайте в „Полюс“, я объясню на месте», — я не отказываюсь. Потому что работа есть работа. И потому что я хочу его увидеть, хотя не признаюсь в этом даже себе.

Я стою перед зеркалом в своей спальне. Черное шелковое платье, туфли на шпильке — двенадцать сантиметров, серебряные серьги, кольцо на среднем пальце, волосы — распущены. Я не собираюсь ему нравиться, но я собираюсь выглядеть так, как выгляжу всегда. И никакая работа не сумеет у меня отнять это право.

Я беру сумочку, кладу в сигареты и выхожу. «Волга» ждет меня у подъезда, черная, как мое настроение. Но сегодня я не сажусь за руль, а заказываю такси.

«Полюс» — ночной клуб в центре Смоленска, принадлежит Белову. Один из многих — я знаю это, потому что я — педантичная, я изучила его бизнес после первой встречи, по крайней мере, насколько смогла. Обвинения в организации подпольных казино и контрабанды, но также — легальные рестораны, отели и магазины.

Такси притормаживает у входа, и я выхожу. Очередь на входе — длинная. Люди стоят и мерзнут, но я иду мимо. Охранник — лысый, с бычьей шеей — преграждает мне путь.

— Куда?

— К Белову.

— Он ждет?

— Спросите у него.

Он смотрит на меня оценивающе, потом достает рацию. Он спрашивает обо мне, слушает. После меняется в лице и отступает.

— Проходите. Второй этаж.

Двери открываются, и я прохожу. Музыка — громкая, басы бьют в грудь. Свет — приглушенный, синий, красный. Люди танцуют, пьют, смеются, живут. Я иду сквозь толпу и чувствую, как все замирает.

Не сразу. Постепенно. Сначала — мужчина у бара. Он перестает наливать, глядя на меня. Потом — девушка в коротком платье — она прерывает разговор и смотрит. Потом — еще один. И еще. Я иду, и вокруг меня образуется вакуум. Мужчины смотрят с вожделением. Женщины — с завистью. Я знаю этот взгляд и привыкла к нему, поэтому не обращаю внимания.

Я поднимаюсь по лестнице на второй этаж. Там всего одна дверь — черная, в кожаной обивке, очевидно, его кабинет. Я стучу, но не жду ответа и вхожу.

Сергей стоит у окна спиной ко мне и смотрит на город. В руке — бокал, с алым, как кровь, вином. Услышав шаги, он оборачивается, и я вижу, как он смотрит на меня — осматривая сверху вниз, потом — наоборот, задерживаясь взглядом на талии, на шее, на губах. Он этого не скрывает, вероятно считая, что ему не нужно. Он — Белов, он может смотреть так, как хочет.

— Вы пришли, — говорит он.

— Вы звали.

Он усмехается, ставит бокал и подходит слишком близко, так, что я чувствую запах его парфюма и тела.

— Вы красивая, Смерть.

— Я знаю.

— Скромность — не ваша добродетель.

— У меня нет добродетелей.

Он смеется, как будто я сказала что-то остроумное, хотя я сказала правду.

— Вина?

— Пожалуй.

Он наливает второй бокал, протягивает мне. Наши пальцы соприкасаются на секунду, и я чувствую это касание, как электричество, но не показываю этого. Я беру бокал, отхожу, сажусь в кресло, закидываю ногу на ногу и смотрю на него.

— Итак, — говорю я. — Какое дело?

Он молчит, внимательно глядя на меня. Потом широко улыбается и говорит:

— Я соврал. Никакого дела нет.

— Я так и поняла.

— И вы все равно пришли?

— Я любопытная.

Он снова смеется и садится напротив на диван. Расстегивает пиджак, и я вижу белую рубашку.

— И зачем я здесь? — спрашиваю я.

— Я хотел вас увидеть.

— Зачем?

— Не знаю. Просто хотел.

— Это не ответ.

— Это единственный ответ, который у меня есть.

Я киваю и отпиваю вино. Оно хорошее, явно дорогое, как он и вся его жизнь. Я не спешу заговаривать снова, позволяя тишине осесть между нами. Из-за двери доносится приглушенный звук музыки, легкая вибрация идет по полу, и тут, в кабинете, почти уютно от этого далекого гула.

Внезапно Сергей встает и, не спеша, подходит ко мне, как хищник, который знает, что добыча уже не сбежит. Я сижу в кресле — нога на ногу, бокал в руке и не двигаюсь, не отстраняюсь, не отвожу внимательного взгляда. Я действительно любопытна, поэтому я позволяю ему приблизиться и сократить расстояние до того предела, за которым уже нет воздуха — только он и его запах: парфюм с нотками сандала и табака и мужской запах, который оседает где-то внизу живота, растекается теплом по бедрам, заставляет пальцы сжаться на ножке бокала чуть сильнее, чем нужно тонкому стеклу.

Он останавливается надо мной и смотрит сверху вниз. Я вижу его глаза — зеленые, с темными крапинами у зрачков, как море перед штормом. В них — голод. Не такой, как у самцов в клубе, которые смотрят на мое платье и представляют меня голой. Другой, глубже. Он смотрит на меня так, будто хочет не тело, а залезть под кожу и разобрать по частям, как сложный механизм.

— Вы красивая, — говорит он. — И вы это знаете. И вы наверняка знаете, что я хочу вас.

— Знаю.

— И?

— И ничего.

Он медленно наклоняется, давая мне время отстраниться, отвернуться или вовсе встать и уйти. Я не делаю ни одного из этих движений. Я просто смотрю, как его лицо приближается, как его губы — сухие, чуть потрескавшиеся — оказываются в сантиметре от моих. Я чувствую его теплое дыхание — сладкое вино и… мятная жевательная резинка?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.